

**Критические замечания на I-й том книги под
названием: Древние и нынешние болгаре в
отношении к россиянам²⁵**

Имею честь получить от г. Венелина книгу, изданную им под заглавием: “Древние и нынешние болгаре в отношении к россиянам”²⁶, с удовольствием прочитал оную и в благодарность за сей подарок не решился оставить без замечания того, что не могло быть совершенно известно почтенному сочинителю. Сюда особенно отношу его суждения о гуннах и некоторых других предметах, занимающих несколько страниц помянутой книги (156—164).

1-е. Слово *хунну* некогда было видовым именем одного древнейшего монгольского поколения, но потом за 200 с небольшим лет до Р. Х. сделалось общим названием целого народа, именуемого ныне монголами. Сие слово есть природное монгольское, тонически переложенное китайцами на свой язык двумя иероглифами: *хунну*, которые, по внутреннему своему значению, имели смысл *злого раба*. Впоследствии китайский престолохищник Ван-Ман²⁷, занятый усмирением внутренних своих врагов, хотел обеспечить северные пределы Китая от хуннов и сделал хану их льстивое предложение — сопровождаемое богатыми дарами — заменить иероглиф *хун* иероглифом *гун* (*почтительный*). Впрочем, чрез сие изменилось только китайское тоническое произношение народного имени гуннов, а не самое имя. Но что значило слово *гунну* на монгольском языке, по китайской истории не видно.

Сомнительно даже и то, чтобы китайское тоническое произношение было совершенно созвучно с подлинным монгольским выговором сего слова;

84

потому что китайцы, как видно, хотели удержать здесь смысл в словах, а сие часто заставляет их искажать тонический выговор иностранных собственных имен.

2-е. У монголов, так как и в Китае, от древних времен существует обычай называть каждое свое владение именем владетельного дома, потому что владение у них почитается личною собственностью владетеля. Вследствие сего и народное имя монголов изменялось при каждой перемене господствовавшего над ними дома. Когда дом гуннов покорил Монголию, то жители сей страны назвались *гуннами*. Когда же поколение сяньбийское уничтожило дом гуннов, то монголы приняли название *сяньбийцев*. Сим образом они последовательно назывались *тулгасцами*, *хойхорцами* (уйгурами), *киданиями* и *татаньцами*. Ныне тому почти 600 лет, как они называются монголами по имени поколения, из которого произошел Чингис-Хан, и будут известны под сим народным названием до тех пор, пока одно которое-либо из их поколений, усилившись, вновь не покорит всей Монголии под свою власть. Сколь ни странен для нас обычай изменять народное имя при перемене владетельного дома; но сей обычай существует, и

при разборе исторических событий юго-восточной Азии необходимо должно сообразоваться с оным.

3-е. В Китае, со времени изобретения письма, учреждено при дворе историческое общество, которое обязано со всею верностию и точностию записывать все важные происшествия, как внутренние, так и заграничные, имеющие связь со внутренними. Как скоро царствующая династия прекращается, то по воцарении нового дома обыкновенно поручается от правительства ученой комиссии сочинять историю бывшей династии на основании записок исторического общества. При таком внимании правительства к исторической истине невозможно, чтобы в китайской истории допущены были какие-либо *нелепости* и *вздор*. Если что может показаться затруднительным, или, лучше сказать, странным для европейца в сей истории, то это дипломатический тон ее, который самым общим словом дает исключительное значение в отношении к историческим лицам. Напр., о новом своем государе пишут: *вступил на престол*; о иностранном владетеле, зависимом от Китая: *возведен на престол*; а о независимом: *сел на диван* и т. п.

4-е. Монгольское письмо изобретено или, правильнее сказать, принято монголами от юго-западных народов еще в 920 году: итак, нельзя сказать, чтобы они *недавно начали учиться писать*.

5-е. Почтенный сочинитель старается в своем сочинении доказать, что гунны, появившиеся в Европе в конце IV века, были не монголы, а

славяне, и доказывает это сходством некоторых обыкновений гуннских с славянскими. Но сия новая мысль основана на одной вероятности, которой можно противополжить другую вероятность, не менее правдоподобную. История Азии доказывает, что кочевые народы, как скоро смешивались с оседлыми народами многочисленнейшими, часто заимствовали не токмо обычаи, но даже нравы и язык последних. В подтверждение сей истины не нужно указывать на примеры отдаленной древности. Маньчжуры обладают Китаем с 1044 года, но ныне едва ли одного маньчура из живущих в Пекине и других городах можно отличить от китайца по образу жизни. Даже, несмотря на совершенное запрещение брачных связей с китайцами, маньчжуры давно потеряли свой язык, и ныне приготавливающиеся к государственной службе учатся оному как иностранному. Для чего же не допустить подобной перемены с гуннами между славянскими племенами?

6-е. Что касается до перехода гуннов

85

из Азии в Европу, сие очень возможно было по тогдашним обстоятельствам. Хотя дом гуннов, господствовавший в Монголии, пал в исходе первого столетия по Р. Х.; но некоторые поколения из сего дома еще обладали землями нынешней Чжуньгарии и южными пределами губерний Томской и Енисейской. Даже в исходе IV века они еще не зависели от дома сяньбийского.

Сверх сего может служить сему доказательством и довольно известный древний обряд войны у кочевых народов. Сильное племя на пути побед уподоблялось горному потоку, непрерывно возрастающему с течения от принятия в себя других потоков. Итак, нельзя почитать невероятным, чтобы монголы около Бухтармы и Омска, называвшиеся еще гуннами, не могли проникнуть чрез Кавказ или Урал в Европу. А что современные китайцы ничего не писали о походе гуннов на Запад, это потому, что китайское правительство вносит в свою историю те только заграничные происшествия, которых ход совершенно зависел от его влияния или которые имели по крайней мере отношение к его распоряжениям за границею. Итак, молчанием китайской истории менее всего можно опровергать возможность нашествия гуннов на Европу.

7-е. Г. Венелин целые три страницы (43—45) посвятил исследованию слова *хаган* или *хан* и, не отыскав истинного его происхождения, принял за *произвольное, зависевшее от одних писателей*. *Хаган* есть монгольское слово; оно значит: государь. Северные монголы выговаривают сие слово: хан и хаган, а южные — хан. Пишется каган. Крымские татары прежде называли хаганами своих владетелей. Ныне казачьи и киргизские племена в Средней Азии называют своих владетелей также ханами.

8-е. Как г. Венелин предположил издать еще три или четыре тома по сему же предмету, то при всех сих пояснениях почитаю нужным указать и

на неосторожное употребление слов. Напр., на странице 93 сказано: “какие-то хунны в Монголии и Китае у берегов Восточного океана и пр.”. Хуннами назывались нынешние монголы, коих земли от востока к западу искони постоянно лежат в тех же самых пределах, какие ныне определены им на карте. Земли же, лежащие далее на восток к берегам Восточного океана, всегда принадлежали тунгузским племенам, из коих маньчжурское ныне обладает Китаем. Подобная невнимательность может поселить в читателе недоверчивость к самым гениальным мнениям в историческом критике. Далее, на стран. 136 говорит: “из этого видно, что женский пол у гуннов был очень на свободе: можно ли подумать, чтобы гунны были татаре?” То правда, что женский пол у татар лишен удовольствия быть в собраниях с посторонними мужчинами; но каждый, кто только проезжал Монголию, знает, что женщины у монголов пользуются полною свободою в обращении не токмо с единоземцами, но и с иностранцами. Почтенный сочинитель, признавая гуннов за *монголов*, здесь называет их *татарами* и чрез то, по-видимому, смешивает сии два названия в одно. *Монголами* называем жителей Монголии, которой пределы известны по картам географическим. Название же *татар* россияне усвоили одним турецким племенам, обитающим в разных губерниях России; далее сих пределов не должно распространять сего названия. Напротив, европейцы, по праву ума будто бы в них превыспреннего, внесли в область истории и географии много неосновательного и

доныне несправедливо разумеют под названием татар племена турецкие, монгольские и тунгузские, обитающие на протяжении от Каспийского моря на восток до берегов океана. Исторические критики настоящего времени

86

при самых глубоких и основательных розысках еще не могли открыть, какой народ древние греки разумели под названием *скифов*. Может быть, что по прошествии еще 20-ти столетий наши потомки, читая разные истории нашего времени и находя противоречия в названиях государств и народов, с не меньшим недоумением будут спрашивать друг друга: какой народ французы называли *татарами*, а русские киргиз-кайсаками?

Я не в состоянии был сделать разбора на всю книгу г. Венелина, потому что история болгар есть предмет, мало для меня известный. Но поелику критика историческая, взятая как наука, должна быть по существу своему одинакова в отношении к истории каждого народа, то и на сочинение сие в целом можно сделать следующее замечание: *производный, натянутый разбор слов по созвучию, кольми паче с языков, не известных сочинителю, есть самое зыблемое основание для исторических предположений*. Так точно думал и г. Венелин; но со всем тем нередко поступал вопреки своему мнению и увлекался словопроизводством по созвучию. Кошка по-маньчжурски называется Кошко. Следует ли отсюда заключить, что или россияне пришли в

Европу с устья Амура, или тунгусы удалились туда с берегов Вислы то и другое несправедливо. Это есть только случайное сходство в наименовании одного животного на двух различных языках.

Впрочем, никто не может оспаривать у г. Венелина чести открытия некоторых новых положений относительно происхождения народов. Библейская история оказывает (да и в порядке вещей так надлежит быть сему), что первоначально общества образовались из семейств, богатых и землею и невольниками; из единения обществ, соплеменных по единству языка, составились народы.

Отсюда само собою явствует, что каждое общество какого-либо народа существовало задолго до своего соединения с соплеменными и имело свое видовое или частное название; общество, усилившееся между соплеменными по перевесу могущества, делалось известным у смежных народов по торговым и политическим связям с ними; сии общества, взаимно ниспровергая друг друга, попеременно владычествовали над соплеменниками; а смежные народы более знали имена тех сильных обществ, с которыми имели сношения. Но могло быть, что современные историки под видовым названием сильных обществ иногда разумели целый народ; но как они не оставили точных сведений по сему предмету, то очень вероятно, что мы, не имея ключа к раскрытию темных мест в древней истории, иногда под видовыми именами соплеменных обществ разумеем различные

народы. Надлежало бы и с сей точки обратить некоторое внимание на исследование древности русского народа.

**I.
87**